

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

«Сто дней»*

I

День 4 марта 1933 г. выдался ветреным и холодным. Сильный северо-восточный ветер, низкие давящие тучи, дождь. Вашингтон выглядел мрачным. К полудню, к началу церемонии вступления в должность нового президента, около 100 тыс. человек собрались у Капитолия. Люди усеяли площадь, взобрались на крыши домов, некоторые вскарабкались на голые деревья, гнувшиеся от ветра. На всем лежала печать уныния. В толпе почти не разговаривали. Подняв воротники пальто, люди зябко ежились от холода. Молчаливыми квадратами стояли войска, выстроенные для парада. Командующий парадом генерал Д. Макартур приказал скрытно установить пулеметы в «стратегических пунктах» столицы.

Около полудня у выхода из Капитолия толпа оживилась, через нее, энергично работая локтями, пробирался новый вице-президент Гарнер, члены семьи Рузвельта, министры. В черном цилиндре вышел председатель Верховного суда Ч. Юз. Ему предстояло принять присягу президента. Он взобрался на трибуну, ветер нещадно трепал белую бороду и черную мантию старика. Проход от Капитолия к трибуне очистили. Ровно в двенадцать появился Ф. Рузвельт. Бледный, чрезвычайно серьезный, он медленно шел под руку с Джеймсом к трибуне. Раздались жидкие аплодисменты, редкие возгласы приветствия. Грохот встречного марша оркестра морской пехоты заглушил все. «Обстановку,

* Впервые: *Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение.* М.: Международные отношения, 1981. С. 142–159. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

сопровождавшую смену правительства в Соединенных Штатах, — писал А. Крок, — можно сравнить с атмосферой, царившей в осажденной столице во время войны».

Оркестр смолк. Юз громко и внятно прочитал присягу. Вместо обычного короткого «клянусь» ФДР повторил ее целиком слово в слово. Перед ним лежала старинная семейная библия, привезенная из Гайд-парка. Она открыта на 13-й главе первого послания апостола Павла к коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто». Библия и пулеметы...

Присяга принята, и президент Соединенных Штатов Франклин Д. Рузвельт обратился с речью к народу. Громкоговорители разносили его размеренный и твердый голос по площади, а десятки миллионов американцев собрались у радиоприемников. «Сегодня день национального посвящения, — торжественно и сурово произнес Рузвельт. — Пришло время сказать правду и всю правду... Единственное, чего нам следует бояться, — самого страха, безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует необходимые усилия по превращению отступления в наступление». В энергичных выражениях президент обрушился на виновников кризиса — руководителей обмена товарами. Они «провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали... Они не имеют воображения, а когда его нет, народ погибает. Ростовщики бежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации». Первые дружные аплодисменты толпы.

Президент призвал действовать и действовать быстро. «Мы должны идти вперед, как обученная и верная армия, готовые нести жертвы ради общей дисциплины, ибо без дисциплины невозможен прогресс, а никакое руководство не может быть эффективным». Он предупредил: если конгресс не примет необходимого законодательства, а кризис будет продолжаться, «я обращусь в конгресс за единственным орудием для борьбы с кризисом — широкими полномочиями, столь же большими, какие бы нам потребовались в случае настоящей войны с вторгшимся врагом». Рузвельт драматически закончил свою речь: «Народ просил меня ввести дисциплину и указать путь под моим

руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. В духе дара я принимаю его... Мы смиренно просим благословения Бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет меня в грядущие дни».

А. Крок написал: выражение лица ФДР было «столь мрачным, что казалось незнакомым даже давно знавшим его». Г. Стимсон пометил в дневнике: «Я был перепуган». Не была зафиксирована реакция Люси Рутерферд, занимавшей почетное место на церемонии.

Рев кавалерийских труб, возвестивший о начале парада, последовал за речью президента. В радиоприемниках сигнал к прохождению войск прозвучал, как трубный глас. Американцы слышали голос вождя. По возвращении с церемонии в Белый дом газетчики окружили Элеонору Рузвельт, прося первую даму республики поделиться впечатлениями. «Было очень, очень торжественно и немножко страшно, — сказала она. — Собралась громадная толпа, и было ясно, что она готова сделать все, если только кто-нибудь подскажет ей, что делать». А Вашингтон — город чиновный, в нем нет промышленных предприятий... Фашистская печать Германии и Италии усмотрела в первой речи президента США новое доказательство бесполезности парламентаризма и демократии. Критиканствующий «Нью рипаблик» подчеркнул, что из сказанного Рузвельтом «наиболее ярко вырисовывается одно — преддверие диктатуры».

В день вступления в должность Ф. Рузвельт собрал членов назначенного им кабинета. Утро они посвятили молитве в церкви поблизости от Белого дома. Служил Э. Пибоди, приехавший из Гротона. В овальном кабинете Белого дома их скопом привели к присяге. Рухнула еще одна традиция. Никогда раньше министры не присягали в Белом доме, да еще хором.

Кабинет Рузвельта был весьма разнородным, при подборе его ФДР жаждал, как объявил он Хёрсту, сформировать «радикальное» правительство, «в нем не будет ни одного, кто бы знал дорогу на Уолл-стрит, 23 (резиденция Моргана. — Н. Я.). Не будет ни одного, кто был бы связан каким-либо образом с магнатами США или с международными банкирами». Слова звучали громко и не очень искренне. Руководящим принципом подбора кабинета был FRBC — «за Рузвельта до конвента в Чикаго» (forRooseveltbeforeChicago), то есть вознаграждались верные. Ни один из колебавшихся на конвенте не получил сколько-нибудь заметного поста.

Государственный секретарь — К. Хэлл. Изысканные манеры, приятный голос, постоянно опущенные глаза и внешняя мягкость старика скрывали за собой закаленного политического бойца. Хэлл был сторонником снижения тарифов и специалистом в области внешней торговли. Он мог послужить прекрасным связующим звеном с консервативными сенаторами, Хэлл провел многие годы в Капитолии, представляя в сенате штат Теннесси. Министр финансов — У. Вудин, глава крупной промышленной компании. Он долгие годы крупно финансировал демократическую партию, теперь расходы окупились сторицей. Вудин отлично подходил под категорию тех, кого ФДР бичевал как «ростовщиков» и «менял». И, конечно, он никогда не был радикалом. Д. Ропер, личный друг Рузвельта, получил портфель министра торговли. Эксцентричный У. Уоллес, сын министра сельского хозяйства в республиканской администрации, сел в кресло отца. Несмотря на протесты руководства АФТ, Рузвельт впервые в американской истории назначил женщину в состав правительства — Ф. Перкинс стала министром труда. ФДР просил Г. Икеса стать министром внутренних дел. Престарелый либерал из Чикаго удивился, Рузвельт заверил его: мы «говорим на одном языке вот уже двадцать лет». Дж. Фарли стал министром почт.

Члены «мозгового треста» получили правительственные назначения: Р. Моли — заместителем государственного секретаря, Р. Тагвелл — заместителем министра сельского хозяйства, А. Берли сначала работал в финансовой корпорации реконструкции, а позднее стал заместителем государственного секретаря. Розенман да и другие члены «мозгового треста» считали, что назначение их на административные посты — ошибка. Успех «мозгового треста» и был достигнут тем, что профессора работали вместе, свободные в мире идей и не связанные определенными должностями. Рузвельт превратил их в чиновников, не говоря уже о том, что непосредственные начальники Моли, Тагвелла и Берли с плохо скрытым раздражением смотрели на то, что их подчиненные имели свободный доступ к президенту.

Понятие «мозговой трест» объединяло всех, кто в то или иное время был близок к президенту: Г. Гопкинс, Д. Ачесон, Т. Коркоран, У. Вудин, Дж. Кеннеди, Ф. Франкфуртер и др. Л. Хоу был назначен секретарем президента, его помощниками — С. Эрли и М. Макинтайр.

II

Президент — личность историческая и ведет личный дневник, решил ФДР. Первые два дня президентства он заполнял дневник. На третий день бросил навсегда. Поэтому то, что делал Рузвельт 4–5 марта, известно из первоисточника.

Утром 5 марта Франклин проснулся раньше обычного еще в незнакомой спальне в Белом доме. В постели он позавтракал, оделся и камердинер отвез его в кабинет. Он остался один. Гувер выехал накануне, пустой кабинет, голые стены — картины вешались по вкусу президента. На блестящем лаком столе чисто: ни клочка бумаги, ни карандаша. Он выдвинул ящики — один, другой, — пусты. Поискал кнопку звонка, не нашел. Гувер распорядился снять и забрать все, даже телефоны. Несколько минут он сидел в оцепенении, в душу невольно закрадывался страх. Калека на вершине власти громадного государства.

Он часто много лет спустя с содроганием вспоминал (на ум пришла аналогия): пораженный полиомиелитом президент во главе парализованной нации. На мгновение встало видение: президент не может двинуть ни рукой, ни ногой, страна без руководства из центра распадается. Возникают необычные движения, другие люди берут власть. Дурной сон.

Рузвельт откинулся на спинку кресла и отчаянно закричал. Звук собственного голоса и появление секретарей — Мисси Лихэнд и М. Макинтайра — вернули в реальный мир. Начались трудовые будни.

Все банки закрыты. Нигде, даже в Вашингтоне, невозможно получить по чеку. Катастрофа. Политический художник Рузвельт изобразил меры, принятые до него директорами банков, как увертюру «нового курса». Президент издал декларацию о закрытии банков до 9 марта. На этот день была созвана чрезвычайная сессия конгресса. По стране разнеслась волнующая весть — президент повелел закрыть банки.

9 марта конгрессмены и сенаторы, готовые вотировать любой закон, собрались в Капитолии. Сенаторы Лафоллет и Костиган посетили накануне вечером президента, пытаясь внушить ему, что необходимо национализировать банковскую систему. «Не надо, — ответил ФДР, — банкиры заявили о своей готовности сотрудничать». Конгрессу был предложен «чрезвычайный закон о банках»: федеральная резервная система предоставляла займы

банкам, министр финансов мог предотвращать массовое изъятие вкладов, банки будут открыты только тогда, когда их состояние будет признано «здоровым». Экспорт золота запрещался.

Обсуждение в палате представителей не продолжалось и сорока минут. Крики: «Голосовать! Голосовать!» Единогласно; через несколько часов сенат 73 голосами против 7 одобрил его. Оппозиции не существовало, лидер республиканцев в сенате Бирнс заявил: «Дом горит, президент соединенных Штатов говорит, что так мы потушим огонь». В Капитолии не цеплялись даже за положение закона — конгресс одобряет все будущие меры президента в этой области.

Вечером 9 марта Рузвельт подписал закон. «Ростовщики» и «менялы» вздохнули с облегчением — грозу пронесло. Рузвельт, несмотря на досадные, с их точки зрения, левые речи, на деле оказался здравомыслящим человеком: укрепил банки государственными субсидиями. Сенатор Б. Катинг спустя несколько лет комментировал: «Когда я думаю о событиях 4 марта, мое сердце болит. Тогда ...национализация банков президентом Рузвельтом прошла бы без слова протеста. Президент, не сделав этого, совершил серьезную ошибку». Финансисты придерживались иного мнения, министерство финансов стало их родным домом. Отделались испугом, хотя и значительным.

По закону лица, прячущие деньги в кубышку, наказывались тюрьмой; а как быть с теми, кто успел изъять свои вклады? Было объявлено, что имена тех, кто взял золото в банках после 1 февраля, пропечатают в газетах. Подействовало! Они понесли деньги обратно. Кредит покоится на доверии. Решительный закон успокоил страну. Через несколько дней банки стали открываться. Вкладчики больше не штурмовали обитые бронзовыми листами двери. Свыше 2 тыс. банков не получили разрешения продолжить свою деятельность — они не были признаны «здоровыми». Обанкротившихся никто не жалел, если не считать вкладчиков, потерявших сбережения. В мире капитала выживает сильный и чрезвычайно изворотливый. Затем последовало распоряжение президента, отменявшее свободное хождение золотой валюты. Под страхом тюремного заключения на 10 лет и штрафа 100 тыс. долл. было предложено обменять золото на бумажные банкноты.

Чрезвычайное мартовское законодательство расширил и закрепил закон Гласа — Стигала о банках, вступивший в силу 16 июля 1933 г. Инвестиционные и коммерческие банки разъединились,

что положило конец наглым спекуляциям типа практиковавшихся в 20-х годах — банкиры пускали в рискованные предприятия доверенные им деньги. Была создана федеральная корпорация, страховавшая вклады в банках до 5 тыс. долл. Предполагалось, что это даст возможность навсегда избежать острой паники, подобной возникшей в конце февраля 1933 года.

Рузвельт собирался распустить конгресс сразу же после принятия закона о банках. Первый успех окрылил его, и он начал бомбардировать конгресс законопроектами. 10 марта президент рекомендовал резкое снижение заработной платы федеральным служащим, членам конгресса и пенсии ветеранам. «Священная корова конгрессменов-политиков — управление ветеранов — получила тяжелый удар». Всего предполагалось экономить 750 млн долл. ежегодно, из них 300 млн долл. на ветеранах. Билль почти вызвал бунт и прошел в палате представителей 206 голосами против 138, а также встретил резкое сопротивление в сенате. Однако 20 марта закон все же был принят.

Свободомыслие конгресса пришлось не по душе ФДР. Он полагался на то, что при значительном большинстве в обеих палатах сумеет без проволочек проводить все. В сенате было 65 демократов против 30 республиканцев, в палате представителей — соответственно 310 и 117. Закон был одобрен только потому, что 69 конгрессменов-республиканцев голосовали «за», но 90 демократов подали свои голоса «против».

Рузвельт, не откладывая дело в долгий ящик, дисциплинировал депутатов-демократов. Был учрежден неслыханный в истории конгресса комитет. Страна разбивалась на 15 округов; конгрессмены-демократы каждого округа выбирали представителя в комитет, а последний зорко наблюдал за тем, кто как голосует. Чтобы никто не сомневался, что и президент не дремлет, демократическую фракцию информировали: «Каждый экземпляр “Конгрешнл рекорд” (стенографический отчет о заседаниях. — Н. Я.) поступает на стол президента Рузвельта утром, он просматривает итоги нашего голосования и вновь избранные среди вас предупреждаются: поберегитесь, если вы окажетесь не там, где надо». В ответ раздались горестные вздохи, но урок пошел впрок. Посты «Американского легиона», славшие телеграммы с проклятиями, были далеко, а президент рядом.

Рузвельт разрядил тягостную обстановку. Окончив ужин во второе воскресенье своего президентства, ФДР заметил: «При-

шло время для пивка». Луи извлек избирательную платформу демократов, написал короткое — семьдесят два слова — горячее послание о разрешении продажи пива и 13 марта отправили в конгресс. В обстановке всеобщего ликования законодателей и мужской половины страны в Соединенных Штатах к концу года было разрешено употребление спиртных напитков, а одновременно введен порядочный налог на их продажу. Гангстеры, наладившие незаконное производство и ввоз спиртных напитков в страну, переключились в другие сферы — кривая ограблений, похищений детей и т.д. пошла вверх.

Управление по борьбе с нарушителями «сухого закона», ныне излишнее, вошло в Бюро расследований Э. Гувера, которое с 1935 года стало именоваться Федеральным бюро расследований (ФБР). Это отразило резко возросшие функции внутреннего сыска. Уже с 1933 года стремительно создается культ ФБР. В прессе, по радио, в кино пропагандируются дела «Джи-менов» — агентов ФБР, по официальной мифологии, защитников слабых и грозу гангстеров. Для создания их экранизированного эпоса ФБР открыло с 1934 года архивы сценаристам. В считанные годы происходит поразительная метаморфоза: нация, почитавшая себя демократической, буквально молится на ФБР. Расцвет внутреннего сыска (о нем пока говорили как о борцах с уголовным миром!) полностью отвечал воззрениям Рузвельта на роль карательных органов в современном государстве. Президент прямо поощрял неслыханную рекламу и саморекламу ФБР.

Пожалуй, наиболее личной из всех реформ «нового курса» было учреждение Гражданского корпуса сохранения ресурсов — CCC (Civil Conservation Corps). ФДР очень давно вынашивал эту идею, и она была особенно близка его сердцу. 21 марта 1933 г. он предложил конгрессу направить безработных городских юношей на работу в лесные районы. Тем самым, считал президент, удастся улучшить естественные ресурсы страны, укрепить здоровье молодежи, а главное, о чем ФДР, естественно, умалчивал, убрать из городов горючий материал. Внутри кабинета знали истинную цель CCC. Как писала Ф. Перкинс, «речь шла о том, чтобы привлечь в него безработных, нежелательных лиц из больших городов».

В мае 1933 года ветераны устроили второй поход на Вашингтон. Их ожидал совершенно другой прием, чем при Гувере. Рузвельт предоставил в их распоряжение военный лагерь, распо-

рядился кормить трижды в день, не ограничивать в потреблении кофе, а для совещаний руководителей похода отвели громадную палату, где они наговорились вдоволь. Военный оркестр развлекал ветеранов, военные врачи бесплатно лечили больных. Наконец, Э. Рузвельт вместе с Луи Хоу явились к ним в лагерь. Скептик Луи остался дремать в машине, энергичная Элеонора месила грязь по щиколотку в лагере, а затем дирижировала хоровым пением участников похода. Контраст был очевиден: Гувер выслал против них армию, ФДР прислал жену. Президент тепло принимал делегации ветеранов, сердечно беседовал с ними, и не прошло двух недель, как подавляющее число участников похода записалось в ССС. Белый дом ликовал. Хоу в несколько необычном для него романтическом духе рисовал картину массового исхода безработных (разумеется, с оркестрами и знаменами) в дремучие леса. Идея, однако, получила чисто практическое воплощение в жизнь.

Уже в начале лета были созданы лагеря на 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет из семей, получающих помощь, а также безработных ветеранов. Там они имели бесплатное питание, кров, форму и доллар в день. Работы проводились под наблюдением инженерно-технического персонала, во всем остальном юноши подчинялись офицерам, мобилизованным из резерва американских вооруженных сил. В лагерях вводилась почти воинская дисциплина, включая строевые занятия. ССС дал допризывную подготовку миллионам юношей. В ССС отличился полковник Дж. Маршалл, руководивший организацией 17 лагерей.

Профсоюзы резко осудили ССС, заявляя, что идет милитаризация труда и сбивается заработная плата. У. Грин сообщил объединенному комитету конгресса: «От идеи пахнет фашизмом, гитлеризмом». Масла в огонь подлило заявление заместителя военного министра Г. Вудрина, который в 1934 году указал: «Лагеря ССС — предвестники великих грандиозных армий труда будущего. Я считаю, что их следует расширить, полностью поставить под контроль армии» и превратить ССС вместе с ветеранами войны и безработными в «экономических штурмовиков». Белый дом был вынужден опровергнуть заявление Вудрина.

ССС превзошел ожидания Рузвельта и оказался очень популярным. К 1935 году лагеря были расширены вдвое — до 500 тыс. человек, а всего до Второй мировой войны, когда Гражданский

корпус сохранения ресурсов был распущен, в них побывало около 3 млн человек. ССС проделал основательную работу: лесонасаждения, чистка лесов, мелиорация, рытье прудов, улучшение парков, мостов, дорог и многое другое.

ФДР постоянно следил за ССС, был поразительно осведомлен о мельчайших деталях его деятельности. ФДР в середине 30-х годов предложил устроить лесозащитную полосу по 100 меридиану от границы Канады до города Абилены, штат Техас. Консерваторы протестовали, указывая, в частности, что если бог не захотел выращивать деревья на великих равнинах, то и «новый курс» окажется бессильным. ССС доказал обратное, посадив свыше 200 млн деревьев.

III

Весной 1933 года никогда не прекращавшееся движение фермеров пробудилось с новой силой. Мелкий собственник встал горой на защиту своего заложенного и перезаложенного имущества — фермерская задолженность оценивалась почти в 12 млрд долл. Он стоял перед реальной угрозой потери достояния семьи, накопленного своим трудом, сокрушающей силы работой отца и деда. Над миллионами ферм вот-вот должен был опуститься беспощадный молоток аукционера.

Консервативные фермерские организации видели выход в подъеме цен на сельскохозяйственные продукты. Отсюда требование «дешевых денег» как средства разрешения кризиса деревни. Они указывали, что в 1932 году доход от сельского хозяйства составил около трети от 1929 года, а соотношение цен промышленных товаров и продовольствия упало до 55 против 89 в 1929 году (1910–1914 гг. = 100).

Часть фермеров, в первую очередь объединенных в фермерскую стачечную ассоциацию во главе с М. Рено, громко призывали к насильственным действиям. Они взывали к старой американской доктрине святости частной собственности и были готовы, если понадобится, отстаивать ее с оружием в руках — свои фермы, во всяком случае. Вековая борьба банкиров Новой Англии и фермерского запада возродилась. Ничего нового для знающих американскую историю. Но совершенно необычным был высокий накал страстей.

Даже президент федерации фермерских бюро Э. О'Нил в начале 1933 года предупредил комитет сената: «Если что-нибудь

не будет сделано для американского фермера, менее чем через двенадцать месяцев в деревне разразится революция». Фермеры высмеивали официальные заявления, что во всем повинен кризис перепроизводства, за доказательствами не нужно было далеко ходить: голодали миллионы. Как говорил М. Рено, «наши беды вызваны не перепроизводством, а недопотреблением, что является результатом монополизации и махинаций посредников». Среди фермеров все громче раздавались голоса, чтобы правительство рефинансировало с низким процентом фермерскую задолженность, провело инфляцию и тем самым подняло цены.

Рузвельт 16 марта предложил конгрессу компромиссный план. В целях восстановления покупательной способности фермеров и поддержания цен на сельскохозяйственные продукты посевные площади сокращаются, правительство гарантирует выплату процентов с фермерской задолженности на сумму не свыше 2 млрд долл. На компании, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, устанавливается налог для выплаты компенсации фермерам за сокращение посевных площадей. План вызвал распри в конгрессе. В палате представителей Ф. Бриттен восклицал: «Законопроект, находящийся на рассмотрении конгресса, является более большевистским, чем любой закон, существующий в Советской России». Да, подтвердил другой конгрессмен, Дж. Мартин: «Мы находимся на дороге в Москву». Обсуждение затянулось.

Пока законодатели взвешивали все «за» и «против», вмешалась жизнь. Фермеры перешли от слов к делу, события лета 1932 года повторились в куда более угрожающей форме. 27 апреля в маленьком городке Ле-Марс, штат Айова, более 500 фермеров ворвались в здание суда, где ретивый судья охотно выносил решения об отчуждении собственности за долги. Судья обратил внимание толпы на то, что в здании суда не носят шляп и не курят. В ответ ему разъяснили, что «здание суда не его. Мы, фермеры, оплатили его налогами». Судью вытащили на улицу. Принесли веревку, поставили его на колени и разрешили помолиться перед смертью. В конце концов фермеры смиловились и ушли, оставив в дорожной грязи избитого до полусмерти блюстителя закона.

Когда в другом округе штата Айова толпа фермеров разогнала агентов, явившихся продавать за долги ферму соседа, губернатор ввел военное положение в дюжине округов. Солдаты нацио-

нальной гвардии наводнили округ, около полутора человека арестовали. Во многих штатах попытки продать ферму с молотка провалились: вооруженные фермеры являлись на аукцион и назначали смехотворную цену за имущество. Когда вокруг стояли мрачные, решительные люди, язык покупателя прилипал к гортани, он прекрасно видел веревочную петлю, небрежно свисавшую где-либо поблизости. Выкупленное за гроши имущество тут же возвращалось владельцу. Аукционы повсеместно прекратились. Фермерская стачечная ассоциация, первоначально наметившая национальную забастовку на 3 мая, установила крайним сроком 13 мая.

Бунт фермеров следовал традициям буржуазной республики: они восстали в защиту частной собственности. За день до начала всеобщей фермерской забастовки конгресс принял закон о регулировании сельского хозяйства — AAA (Agricultural Adjustment Act). В его первой части подробно излагались меры по сокращению посевных площадей и поголовью скота в интересах повышения цен. Во второй — предусматривались чрезвычайные меры по рефинансированию государством фермерской задолженности и в третьей — объявлялось о том, что доллар больше не привязан к золоту.

Президент Рузвельт встал на путь инфляции.

Если подход к делу президента полностью отвечал концепциям Уолл-стрит, когда имелось в виду ортодоксальными методами восстановить финансовую стабильность в США, то AAA, в первую очередь его положения, предусматривающие инфляцию, вызвали почти панику. Директор бюджетного бюро Л. Дуглас, назначенный ФДР, восхищавшийся новым президентом, теперь воскликнул: «Конец западной цивилизации!» Рузвельт сверг с престола идола Дугласа и финансистов старой школы — золотой доллар. Они не могли понять, что ФДР четко разграничил цели и средства, к последним он отнес инфляцию.

Рузвельт заверил конгресс: «Я откровенно говорю вам, что это (AAA. — Н. Я.) новая и неведомая дорога, но в равной степени искренне я говорю: беспрецедентная обстановка требует испытать новые методы для спасения сельского хозяйства. Если закон пройдет справедливую административную проверку и окажется, что он не приносит желаемых результатов, тогда я первый признаю это и сообщу вам».

Проведением AAA занялось министерство сельского хозяйства. Вновь созданная фермерская кредитная ассоциация во главе

с Г. Моргентау-младшим уже до конца года открыла фермерам кредиты на 100 млн долл. Продажа с аукционов почти прекратилась, залладные продлевались. Банкиры негодовали: вторжение правительства привело к тому, что вместо 16 процентов и больше с суммы займа они могли получать 5 процентов.

IV

Рузвельт-кандидат обещал американцам работу. Весной 1933 года мало что изменилось в стране, безработные нуждались в срочной помощи. 21 марта президент энергично потребовал создания Чрезвычайной федеральной администрации помощи — FERA (Federal Emergency Relief Administration), на которую следовало ассигновать 500 млн долл. на прямые дотации штатам. Они распределят средства среди нуждающихся, на доллар федеральной дотации штат добавит три своих.

Предложение Рузвельта вызвало привычный прием у староверов в Капитолии. Сенатор Р. Люс заявил: «Это социализм, хотя я затрудняюсь сказать, не коммунизм ли это». Другой сенатор, Ч. Биди: «Господи! Спаси американский народ». То было мнение твердолобого меньшинства, конгресс вотировал закон. FERA строилась по принципу TERA* штата Нью-Йорк. Рузвельт вызвал в Вашингтон Г. Гопкинса, который 22 мая стал администратором FERA и, не дожидаясь, пока его стол передвинут из коридора в кабинет, приступил к работе. Он понимал, что нельзя терять и дня, от голода продолжали умирать. Умник принес ему некий план, который окажется полезным «в конечном счете». Гопкинс отрезал: «Люди не едят в конечном счете, они едят каждый день».

Раздача пособий облегчала положение прозябавших в нищете, но не подвигала ни на шаг к решению проблемы занятости. ФДР и его советники понимали временный характер FERA. Проблема, как вновь пустить в ход колеса американской промышленности, оставалась нерешенной. Они соглашались в одном: во всем повинен хаос, вызванный конкуренцией, но не могли прийти к единым выводам относительно путей его преодоления. Получили большое распространение различные планы «распределения работы» — сенат даже принял 6 апреля закон об ограничении рабочей недели 30 часами, чтобы повысить занятость. ФДР нашел его непрактичным: а «как быть, если приходится устанавливать рабочий

день в соответствии с циклом дойки коров?» — поинтересовался он. Инициатива сената внесла еще большую сумятицу.

Крупный капитал давно добивался укрепления промышленных ассоциаций, разделения рынков между ними и прекращения действия антитрестовского законодательства. Эти идеи пропагандировались Национальной ассоциацией промышленников и Торговой палатой, за них и ухватился Рузвельт. Он высказался за совместное «планирование» правительства и предпринимателей, иными словами, отстаивал укрепление государственно-монополистического капитализма. Р. Моли осторожно указал президенту, что это идет вразрез с главными догмами свободного предпринимательства и основной философией американского капитализма, на что ФДР резонно возразил: «Если бы эта философия не потерпела банкротства, сегодня здесь сидел бы Герберт Гувер». В начале мая, выступая на съезде Торговой палаты, Рузвельт призвал: «Не допускать перепроизводства, несправедливой заработной платы и уничтожить неподобающие условия труда».

Закон о восстановлении национальной промышленности — NIRA (National Industrial Recovery Act), вступивший в силу 16 июня 1933 г., как в зеркале отразил смятение умов в администрации по поводу путей оживления экономической деятельности. В первой части закона, названной «Восстановление промышленности», заявлялось, что в стране — чрезвычайное положение, справиться с которым необходимо путем сотрудничества правительства и промышленников. Во всех отраслях промышленности предполагалось ввести «кодексы честной конкуренции», то есть обязательные правила относительно объема производства, применения равных технологических процессов, техники безопасности и т. д. Кодексы запрещали детский труд, устанавливали минимальную заработную плату и максимальную рабочую неделю. Каждый кодекс подлежал утверждению президентом. В разделе 7А провозглашалось право рабочих на коллективный договор и организацию профсоюзов. Раздел 7А несомненно являлся уступкой трудящимся.

Вторая часть закона — «Общественные работы и строительные объекты» — предусматривала ассигнование невероятной по тем временам суммы — 3,3 млрд долл. на государственные работы, от постройки новых военных кораблей до расчистки трощоб и ремонта дорог. Ни одно строительство, однако, не должно было начинаться без утверждения его военным министерством.

ФДР смотрел очень далеко. В то же время предполагалось, что ассигнованные миллиарды долларов решат непосредственные проблемы: повысится занятость и взлетят вверх индексы экономической жизни.

NIRA вводился на два года; все меры, проводимые в соответствии с ним, изымались из действия антитрестовского законодательства. Крупный капитал, собственно и настоявший на NIRA, был удовлетворен: «кодексы честной конкуренции» — применение равных правил к неравным по своему оснащению предприятиям — дали возможность подавить слабейших конкурентов, а отмена антитрестовского законодательства сулила ускорение процесса монополизации. Иные крупные бизнесмены теперь уверенно смотрели в будущее, полагая, что NIRA, необычайно похожий на систему корпоративного государства Муссолини, сотворит на американской почве те же «чудеса», что и в Италии. Аналогия между NIRA и организацией труда по типу фашистской Италии в кризисные годы не пугала руководителей Америки.

Американский историк Д. Фримен в 1939 году попросил секретаря Рузвельта М. Макинтайра конфиденциально выяснить у президента, каких взглядов на фашизм он придерживался до 1933 года. ФДР ответил: «Следует помнить, что в то время Муссолини еще сохранял видимость парламентского правления, и многие, включая меня, надеялись, что, восстановив порядок и мораль в Италии, он по доброй воле пойдет к восстановлению демократических институтов». Короче говоря, суммировал Рузвельт, фашизм до 1933 года «был еще в стадии эксперимента». Рузвельт был прирожденным экспериментатором.

Организованное рабочее движение сказала спасибо президенту за раздел 7А NIRA, однако не питало необоснованных надежд на то, что теперь все пойдет на лад. Право на коллективный договор и профсоюз можно было осуществить только борьбой: закон устанавливал лишь принцип. Суть NIRA коротко охарактеризовал совет безработных Нью-Йорка — «святой союз предпринимателей, правительства и чиновников АФТ».

Рузвельт оптимистически указал: «История отметит закон о восстановлении национальной промышленности как наиболее важный и далеко идущий, когда-либо принятый американским конгрессом». Генерал Джонсон, душа подготовки NIRA, не сомневался, что ему поручат провести закон в жизнь. Президент, однако, поближе познакомился с генералом, чья самоуверен-

ность не всегда равнялась деловым качествам. Хотя ФДР уже заверил Джонсона: «Хью, тебе придется сделать эту работу», он сделал генерала только руководителем Национальной администрации восстановления (NIRA), а тратил 3,3 млрд долл. Г. Икес. Администрация общественных работ — PWA (Public Work Administration) подчинялась министру внутренних дел.

Негодование Джонсона не было пределов. Он предрекал, что экономика с одним легким — NIRA задохнется. Генерал так и не уразумел, что ФДР хотел держать все нити в своих руках и, разделив ответственность между подчиненными, заставил их конкурировать друг с другом.

V

В горячке первых месяцев президентства ФДР действовал под влиянием событий. Законы, принимаемые по его инициативе, имели в виду оборону — укрепить американский капитализм и предотвратить социальные последствия кризиса. Чрезвычайное законодательство, порожденное чрезвычайным положением.

Единственное исключение — создание Управления долины реки Теннесси — TVA (Tennessee Valley Authority), в которой воплотились мечты Рузвельта-строителя о лучшей Америке. TVA было предметом его особой гордости до самой смерти.

Бассейн реки Теннесси охватывает семь южных штатов страны. В первой половине прошлого столетия то были земли процветающего хлопководства. Беспощадная эксплуатация земли истощила почвы, хищническая вырубка лесов после гражданской войны усилила начавшуюся эрозию. Грязевые потоки, вызывавшиеся частыми дождями, стали бичом земледельцев. В начале века долина реки Теннесси являла пример того, к чему приводит бездушное расточительство естественных ресурсов. Повинен был капитализм, но широкое осознание простой истины не помогало коренному населению долины: в 20-е годы доход семьи здесь не достигал и половины среднего дохода в США.

Во время Первой мировой войны в южных штатах было намечено развернуть производство нитритов для взрывчатых веществ. У маленького городка Маскл Шоалз в штате Алабама приступили к постройке крупной плотины, получившей имя Вильсона. Война окончилась. Недостроенные плотина Вильсона, еще четыре

плотины и заводы остались памятниками военных усилий США. Гидростанций у этих плотин так и не успели соорудить.

В 20-х вопрос об использовании гидроресурсов Теннесси отнял больше всего времени в конгрессе. Монополии были не прочь взять на себя «развитие» ресурсов реки, планируя на основе дешевой электроэнергии наладить производство химических удобрений. Сенатор Д. Норрис, сплотивший вокруг себя либералов, блокировал их попытки: в 1928 и в 1931 годах ему удалось провести через конгресс закон об использовании ресурсов Теннесси федеральными властями. Президенты Кулидж и Гувер последовательно наложили вето на закон как на вводящий «социализм» в благословенной стране частного предпринимательства. Закон Норриса, заявил Гувер, «отрицает самые основы нашей цивилизации».

Рузвельт с большой симпатией следил за усилиями Норриса. В конце 20-х годов они познакомились. Идеи Норриса совпадали с воззрениями ФДР: задача правительства — всемерно сохранять и развивать дары природы. Хотя неотложные дела выматывали силы президента, он 10 апреля направил конгрессу специальное послание, предлагая создать в бассейне реки Теннесси «правительственную корпорацию, обладающую гибкостью и инициативой частного предприятия». Послание президента, романтически взволнованное, звало сенаторов и конгрессменов «возродить дух и чаяния первых пионеров», ФДР обещал, что вслед за учреждением TVA последуют «аналогичные проекты для развития других наших районов». По мысли Рузвельта, TVA предстояло наладить производство электроэнергии, бороться против эрозии, провести лесонасаждения, контролировать промышленность, получающую электроэнергию Теннесси, и помочь бедствующим фермерам. Итак, комплексное развитие экономики района.

Раздались иступленные вопли рыцарей наживы, в их авангарде шел У. Уилки, президент «Коммонуэлс энд Саузерн», компании, контролировавшей энергетику Юга. На выборах 1932 года У. Уилки голосовал за ФДР, теперь он напал на президента. «Забрать наш рынок (сбыта электроэнергии. — Н. Я.) значит лишить нас собственности», — утверждал Уилки. Пусть правительство, если желает, производит электроэнергию на Теннесси, но передачу и отпуск ее должны производить честные компании. Печать вне всякой меры распропагандировала Уилки, что подбодрило его, и он понес явную несуразицу — электроэнер-

гия просто не найдет потребителя, деньги налогоплательщиков истратят зря, а производство удобрений — чистейшая химера. В палате представителей конгрессмен Дж. Мартин заявлял: TVA «точно строится по образу и подобию советских планов». Конгрессмен Ч. Итон вторил: «Этот закон и аналогичные ему являются попыткой внедрить в американскую систему русские идеи». Оппозиция проиграла, в палате представителей учреждение TVA было одобрено 306 голосами против 91, в сенате — 63 против 20. 18 мая 1933 г. Ф. Рузвельт подписал закон.

В океане свободного предпринимательства возникло TVA, деятельность которого затронула в той или иной степени 640 тыс. кв. миль. В последующие годы TVA преобразило лицо этого еще недавно забытого и запущенного района. К пяти плотинам на Теннесси было добавлено двадцать — река стала судоходной. Значительно улучшилось земледелие, остановлена эрозия, поднялись молодые леса. Показателем успеха был резкий рост доходов населения бассейна Теннесси. Соревнование между TVA и частными компаниями кончилось их поражением. В 1939 году «Коммонуэлс энд Саузерн» У. Уилки продала свои предприятия TVA. Однако блага, которые принесла TVA, распределялись далеко не равномерно — мелкие фермеры получили немного, значительно выиграли товарные фермы и промышленники, получившие дешевую электроэнергию с государственных гидростанций. «Без TVA, еще одного озарения ста дней, две атомные бомбы, завершившие Вторую мировую войну, никогда не могли быть созданы».

Опыт TVA — комплексного развития экономического района — больше не был повторен нигде в Соединенных Штатах. Рузвельту часто бросали обвинения в том, что TVA — «социализм», и упорно допытывались, какими соображениями, собственно, он руководствовался, настояв на учреждении этой организации. Он отвечал: «Называйте TVA хоть рыбой, хоть мясом, но оно удивительно вкусно для жителей долины Теннесси». Так ФДР говорил публично. Философия все же существовала. В 1934 году его восхитил рассказ американца, приехавшего из Австрии, о том, что социалисты, владеющие клочком земли, не поддерживают своих воинственных городских партийных товарищей. «Эта флегматичность, — заметил ФДР, — объясняется тем, что они землевладельцы». Его идея заключалась в том, чтобы «предотвратить возникновение пролетарской психологии в Америке, дав заводскому рабочему землю», что и практиковало TVA. «Могут

называть новый курс социализмом, — добавил он, — но цель нового курса увеличить число держателей акций. Разве это социализм?» — и первый разразился хохотом.

Теперь, когда песок десятилетий засыпал пропасти разногласий, возникших в 30-х годах между сторонниками «свободного» и государственно-монополистического капитализма, в Соединенных Штатах больше не ставятся под сомнение мотивы ФДР. Как писал к исходу 50-х годов историк проф. Дж. Вудс, «Рузвельт, хотя на него и нападали капиталисты, был спасителем капитализма. Ему никогда не приходило в голову подорвать основную структуру американской системы, которая при нем не потерпела ущерба, а поздоровела. Он сопротивлялся соблазну ввести принцип общественной собственности в уже сложившиеся секторы экономики. Он не думал о национализации банков, когда их двери были закрыты, или железных дорог, в большинстве своем обанкротившихся. Однако он учредил Управление долины реки Теннесси с целью разрешить проблемы, которые были не под силу частному предпринимательству».

ТВА было первым опытом «встроенного стабилизатора» (этот термин появился в США в 50-х гг.) — вмешательства государства в интересах класса капиталистов в целом, укрепления государственно-монополистического капитализма.

VI

16 июня 1933 г. конгресс разъехался на каникулы. «Сто дней» Франклина Д. Рузвельта подошли к концу. Можно было подвести итоги.

Экономика страны заметно оживилась, хотя подъем был вызван не столько реальными факторами, сколько следствием оптимистических надежд, возникших с приходом ФДР. Официальный индекс промышленного производства вырос с 56 в марте до 101 в июле, цены на сельскохозяйственные продукты поднялись с 55 до 83 пунктов, розничные цены на продовольствие подскочили на 10 пунктов. Каждая хозяйка, отправляясь в магазин, живо ощущала цену «восстановления». Однако занятость в июле на 4 млн человек превысила мартовский уровень, 300 тыс. юношей выехали в лагеря ССС, а стремительное расширение системы федеральной помощи явилось проблеском надежды для безработных.

Хотя в Вашингтоне знали, что хозяйственная конъюнктура взвинчена чрезвычайными мерами, обстановка разрядилась. «Не будет преувеличением сказать, — писал Р. Тагвелл, — что 4 марта мы стояли перед выбором: либо упорядоченная революция — мирный и быстрый отход от прошлых концепций, либо насильственное свержение всего капиталистического строя». Никто не может сказать, заметил Х. Джонсон, «насколько близки мы были к краху и революции. Диктатору у нас было появиться легче, чем в Германии». Популярный журнал «Коллиерз» написал о «ста днях» в редакционной статье: «У нас произошла наша революция, и она нам понравилась».

Говоря о конце начала — итогах «ста дней» ФДР, Ф. Фрейдель суммировал: «Великий спор, продолжавшийся в Америке до конца пребывания Рузвельта в Белом доме и еще почти десять лет, касался не того, зашел ли он слишком далеко, а достаточно ли далеко он пошел».

Деловой мир, за небольшими пока исключениями, благословлял Франклина Д. Рузвельта, иные даже считали, что он сделал больше, чем Христос. Сам ФДР, по-видимому, не претендовал на заоблачные выси, гиперболизм сравнения разве что позволяет измерить глубины отчаяния и страха имущих в канун прихода к власти новой администрации. Президент подчеркивал лишь своевременность избранного курса.

В 1936 году на закрытой пресс-конференции он провел аналогию между Францией Народного Фронта и Соединенными Штатами: «Вообразите на мгновение, что братец Гувер остался бы президентом до апреля 1936 года, продолжая свою политику четырех предшествующих лет, не сделал бы никаких шагов в направлении социального обеспечения или помощи фермерам, или ликвидации детского труда и сокращения рабочего дня, введения пенсий по старости. Если бы это случилось, в апреле нынешнего года положение в нашей стране весьма напоминало бы обстановку, которую нашел Блюм, придя к власти. Французы двадцать пять или тридцать лет ничего не делали в области социального законодательства. Блюм взялся за него, ибо получил всеобщую забастовку уже в первую неделю пребывания у власти. Забастовщики потребовали 48-часовой рабочей недели... Блюм провел закон, сокращавший рабочий день. Они потребовали оплачиваемого выходного дня в неделю, затем они потребовали немедленно создать комиссию для подготовки плана обеспечения

пенсиями престарелых. Блюм сделал все это, но разве это не было слишком поздно?»

Попытки приклеить ярлыки к его программе ФДР просто-напросто высмеивал. Выступая в июне 1934 года с речью по радио, он сказал: «Некоторые робкие люди, боящиеся прогресса, попытаются дать новые и незнакомые названия тому, что мы делаем. Иногда они назовут это “фашизмом”, иногда “коммунизмом”, иногда “регламентацией”, иногда “социализмом”. Поступая так, они пытаются запутать все и превратить в теоретическое нечто самые простые и практичные дела. Я верю в практические объяснения и практическую политику. Я считаю, что то, что мы делаем теперь, является необходимым выполнением неизменной миссии американцев — претворения в жизнь старых и проверенных идей американизма».

В 1944 году, выставив свою кандидатуру на пост президента в четвертый раз, Ф. Рузвельт был еще откровеннее. На массовом митинге в Бостоне ФДР с удовлетворением оглянулся на пройденный путь: «Если когда-нибудь было время, когда духовные силы нашего народа были подвергнуты испытанию, то это было во время великой депрессии, как именовали американский кризис 1929–1933 годов. Тогда могло случиться, что наш народ обратится к чужеземным идеологиям — вроде коммунизма или фашизма. Однако наша демократическая вера была достаточно прочной. В 1933 году американский народ требовал не урезывания демократии, а ее расширения. Именно этого он добился».

Разумеется, «демократии» в понимании класса, к которому принадлежал президент. Не одними словами, но и делами. Рузвельт сумел мобилизовать веру и гордость за свою страну у американцев, умело пробудив хрестоматийные воспоминания о тех временах, когда юные Соединенные Штаты с азартом бросали вызов тиранам Старого света. Он предложил очистить американское наследие от наслоений монополий. Хотя все это были только слова, ему верили.

Сила рузвельтовской «революции», проявившаяся уже в первые «сто дней», заключалась в том, что любые улучшения преподносились как плоды работы американской системы. Она опиралась на американский национализм и, в свою очередь, питала его. Воинствующий шовинизм оттеснял и замещал идеи классовой борьбы.

